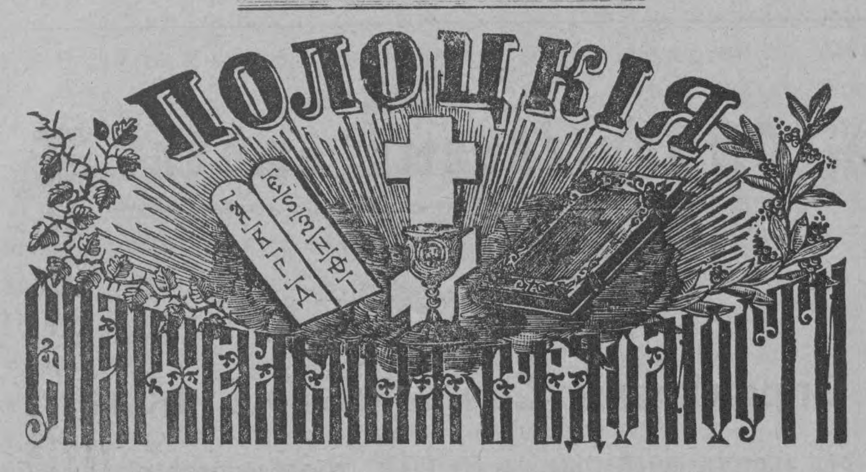
ВИТЕБСКЪ. Сороковой годъ. 29-го сентября.

(Существуютъ съ 1874 г.).

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1913 ГОДЪ.

ЦѢНА: за годъ **пять** руб. **50** к., за полгода—**три** руб., съ пересылкою

Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи „Вѣдомостей", при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ.

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ, что рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, должны быть написаны **разборчиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивые рукописи не подвергаются разсмотрѣнію.** Рукописи безъ означенія условій считаются **безплатными**. Авторы, желающіе имѣть отдѣльные оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ **на самой рукописи**,—оттиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—(по присылкѣ нужнаго количества марокъ) обратно, невостребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа—возврату не подлежатъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Опредѣленія Святѣйшаго Синода. 2) Движенія и перемѣны по службѣ.

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Великій юбилей. 2) Обращеніе старообрядца.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Оффиціальный отдѣлъ

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

От 27 августа 1913 года, за № 7644, **о пересмотрѣ рѣшенія Святѣйшаго Синода относительно имябожниковъ.**

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) доклады командированныхъ на Аѳонъ Архіепископа Никона и коллежскаго совѣтника Сергѣя Троицкаго, 2) заявленіе старцевъ—настоятелей русскихъ обителей (келій) и каливъ св. Аѳонской Горы объ отверженіи новаго лжеученія, 3) два донесенія Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Назарія, испрашивающаго указаній относительно мѣропріятій, касающихся прибывшихъ въ его епархію аѳонскихъ монаховъ, 4) прошеніе іеромонаха Ювеналія и монаховъ Клеопы и Израиля о разрѣшеніи вернуться на Аѳонъ или вступить въ какой-либо монастырь въ Россіи и 5) прошеніе монаха Дометія (Камяка) о пересмотрѣ рѣшенія Святѣйшаго Синода относительно имябожниковъ. **Приказали:** Возникшее въ 1907 году лжеученіе имябожничества быстро распространилось въ аѳонскихъ русскихъ обителяхъ—Пантелеимоновскомъ монастырѣ и Андреевскомъ скитѣ. Богословскій споръ, возбужденный появленіемъ лжеученія, постепенно перешелъ въ ожесточенную распрю между сторонниками новаго ученія и православными его противниками, и распря эта закончилась въ Андреевскомъ скиту 10-го января сего года избіеніемъ и изгнаніемъ православныхъ во главѣ съ игуменомъ Іеронимомъ, а въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ 27 января изгнаніемъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ православія, признаніемъ составленнаго имябожниками исповѣданія и переходомъ власти въ ихъ руки. Вселенская патріархія, въ обла-

сти которой находится Св. Гора, примѣняла многія мѣры для борьбы съ движеніемъ. Такъ, 12 сентября 1912 года новое лжеученіе было осуждено грамотой покойнаго вселенскаго патріарха Іоакима III, 27 августа того же года Халкинская богословская школа, по порученію патріарха, разсмотрѣла новое ученіе и признала его еретическимъ. 29 января 1913 г. иноки Андреевскаго монастыря были объявлены протатомъ отлученными отъ Церкви впредь до суда патріархіи и, наконецъ, 5 апрѣля сего года лжеученіе было осуждено нынѣшнимъ вселенскимъ патріархомъ Германомъ V. Всѣ эти мѣры, однако, оказались безуспѣшными, а принять другія, болѣе дѣйственныя мѣры, греческая церковная власть вслѣдствіе разности языка и національности, не могла. Между тѣмъ, положеніе православныхъ монаховъ на Аѳонѣ становилось все труднѣе, и пропаганда распространилась не только на аѳонскія кельи, но и въ монастыри, находящіеся въ Россіи. Въ Святѣйшій Синодъ стали поступать многочисленныя жалобы на пропаганду и притѣсненія православныхъ имябожниками, съ горячими мольбами помочь ихъ безвыходному положенію и защитить отъ насилій имябожниковъ. Съ другой стороны и вселенскій патріархъ и аѳонскій кинотъ, ревностно оберегая чистоту православія, находили, что непризнающіе ихъ власти еретики не должны жить на Св. Горѣ. И вотъ возникла опасность, что всѣ православные русскіе монахи будутъ изгнаны со Св. Горы имябожниками, а затѣмъ и сами имябожники, по распоряженію патріарха и кинота, будутъ изгнаны оттуда занимающей Св. Гору греческой военной силой. Само собою разумѣется, что русская государственная власть ни изгнанія православныхъ еретиками, ни предоставленія тысячъ русскихъ подданныхъ и многомилліоннаго имущества русскихъ монастырей волѣ другого государства допустить не могла, а послѣ того, какъ патріархъ всецѣло предоставилъ умиротвореніе русскихъ обителей русской церковной власти, не могла допустить этого и власть церковная. Поэтому Святѣйшій Синодъ счелъ долгомъ пойти навстрѣчу патріарху и раздѣлить заботы Константинопольской Церкви, о ея непослушныхъ чадахъ, еще недавно, до пріѣзда на Аѳонъ, бывшихъ чадами Церкви русской. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Святѣйшій Синодъ сознавалъ свой долгъ оказать помощь и поддержку все болѣе и болѣе рѣдѣющимъ рядамъ защитниковъ православія, частію избитыхъ, изгнанныхъ изъ обителей и скитающихся по Аѳону, снискивая пропитаніе подаяніемъ, частію страдающихъ отъ притѣсненій имябожниковъ въ обителяхъ.

Наконецъ, участія Святѣйшаго Синода требовала и опасность совершенной утраты Аѳона, съ самыхъ первыхъ страницъ русской церковной исторіи имѣвшаго столь великое значеніе въ религіозной жизни православнаго русскаго народа и имѣющаго его и въ настоящее время, когда тысячи русскихъ паломниковъ ежегодно посѣщаютъ Св. Гору, изобильно почерпая здѣсь духовную отраду, утѣшеніе и назиданіе, а милліоны листковъ и брошюръ аѳонскаго изданія распространяютъ духовный свѣтъ по всему лицу земли Русской. Но опасность утраты Аѳона была еще не самою грозною опасностью для Церкви, ибо, въ случѣ полнаго торжества имябожниковъ, Аѳонъ изъ обильнаго источника духовнаго назиданія превратился бы въ средоточіе пропаганды еретическаго ученія въ Россіи, а борьба съ таковой пропагандой была бы необыкновенно трудной, ибо въ рукахъ еретиковъ оказалось бы все то, что до сихъ поръ служило къ укрѣпленію православной Церкви, и все это,— церковныя святыни, обаяніе Аѳона въ народѣ, монастырская организація, громадныя матеріальныя средства,—было бы использовано во вредъ православію. Итакъ желаніе оказать братскую помощь Константинопольской Церкви и защитить своихъ недавнихъ чадъ, гонимыхъ за твердость въ вѣрѣ лжеучителями, а главное, опасеніе утраты Аѳона или, что еще хуже, превращенія русскаго Аѳона въ опору еретическаго нечестія и источникъ опасной пропаганды— таковы тѣ побудительныя причины, которыя заставили Святѣйшій Синодъ принять участіе въ борьбѣ противъ лжеученія. 18 мая сего года было опубликовано посланіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода всечестнымъ братіямъ, въ иночествѣ подвизающимся, съ подробнымъ опроверженіемъ ученія имябожниковъ и съ перечнемъ мѣропріятій противъ распространенія его въ русскихъ монастыряхъ, а опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 16—17 мая, съ согласія патріарха и его Синода, на Аѳонъ былъ посланъ для увѣщанія членъ Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта Архіепископъ Никонъ и, въ его распоряженіе, магистръ богословія коллежскій совѣтникъ Троицкій. Увѣдомленный о посланіи архіепископа патріархъ извѣстилъ о его пріѣздѣ аѳонскій кинотъ. Во время пути на Аѳонъ командированныя лица посѣтили (29 мая, 2 и 3 іюня) подворья аѳонскихъ обителей въ Одессѣ и Константинополѣ, и архіепископъ велъ здѣсь собесѣдованіе съ имябожниками. 1-го іюня архіепископъ Никонъ былъ принятъ Вселенскимъ патріархомъ Германомъ V и вручилъ ему представительное посланіе Свя-

тѣйшаго Синода, получивъ отъ него грамоту на имя кинота. 4 іюня на канонерской лодкѣ „Донецъ“ архіепископъ вмѣстѣ съ Троицкимъ и командированными Императорскимъ посломъ въ Константинополѣ генеральнымъ консуломъ посольства Шебунинымъ и чиновниками посольства Серафимовымъ и Щербиною выѣхалъ на Аѳонъ и прибылъ туда на слѣдующій день. Въ продолженіе пятинедѣльнаго пребыванія на Аѳонѣ архіепископомъ Никономъ и магистромъ богословія Троицкимъ были употреблены всѣ усилія къ тому, чтобы подѣйствовать на заблуждающихся словомъ убѣжденія. По распоряженію архіепископа въ монастырскомъ храмѣ было прочитано посланіе Святѣйшаго Синода противъ лжеученія, читать которое ранѣе запрещали главари имябожниковъ; въ храмѣ, въ архонтарикѣ, въ монастырской библіотекѣ, въ трапезной, въ больницѣ, въ аптекѣ и даже у воротъ монастыря и на „Донцѣ“ многократно устраивались собесѣдованія, въ монастырской библіотекѣ желающимъ предлагались для чтенія святоотеческія творенія съ отмѣченными мѣстами, опровергающими лжеученіе, монахамъ раздавались брошюры, привезенныя изъ Россіи, и листки, составленные архіепископомъ и Троицкимъ и изданные уже на Аѳонѣ. По порученію архіепископа Троицкій посѣщалъ заблуждающихся монаховъ и въ ихъ келіяхъ. Собесѣдованія велись не только въ монастырѣ, но и въ его скитахъ Ѳиваидѣ и Старомъ Руссикѣ, а также (Троицкимъ) въ Андреевскомъ скиту и въ шести болѣе зараженныхъ лжеученіемъ келіяхъ, куда предпринимались съ этою цѣлію поѣздки. По распоряженію архіепископа къ эктеніямъ были приложены прошенія объ искорененіи заблужденія и назначенъ былъ трехдневный постъ, а затѣмъ бдѣніе и литургія, при чемъ въ монастырь посланіемъ архіепископа были приглашены и русскіе келліоты для общебратской съ крестнымъ обхожденіемъ обители молитвы о вразумленіи заблудшихъ и водвореніи церковнаго мира. Изгнанные имябожниками ревностные защитники православія были возвращены въ монастырь. Всѣ эти мѣры имѣли, хотя значительный, но все же далеко не полный успѣхъ. Если до прибытія «Донца» православныхъ оставалось всего одна четверть, а сами имябожники насчитывали ихъ всего 100 человѣкъ изъ 1700, то теперь численность православныхъ дошла до двухъ третей всего состава монашествующихъ, но всѣ старанія повліять и на остальную треть ни къ чему не привели. Во главѣ упорствующихъ стояли лица, получившія, опираясь на имябожническое движеніе, власть и стремившіяся всѣми способами со-

хранить ее. Среди нихъ были опытные агитаторы, иногда съ уголовнымъ прошлымъ, умѣвшіе держать путемъ обмана легковѣрную и невѣжественную толпу въ слѣпомъ повиновеніи. Здѣсь на успѣхъ однихъ увѣщаній разсчитывать было нельзя уже потому, что вожаки не допускали никакихъ увѣщаній, а при попыткахъ произвести ихъ шумѣли, затѣмъ или уводили своихъ единомышленниковъ или изгоняли увѣщевающихъ, а предполагаемые листки и брошюры рвали и жгли. Не слушая командированныхъ Святѣйшимъ Синодомъ лицъ, упорствующіе не желали подчиняться и власти свѣтской. Попытка генеральнаго консула произвести 7 іюня провѣрку паспортовъ вызвала звонъ въ набатъ и открытый бунтъ, такъ что пришлось для охраны чиновниковъ вызвать вооруженныхъ матросовъ. Между тѣмъ поведеніе упорствующихъ становилось все болѣе и болѣе вызывающимъ. Они перестали поминать патріарха и Святѣйшій Синодъ за богослуженіемъ, а вмѣсто нихъ стали поминать своихъ вождей, читали за богослуженіемъ ихъ брошюры, захватили ключи отъ кассы (2 изъ 3-хъ), ризницы, погребовъ и другихъ монастырскихъ учрежденій, оскорбляли и запугивали православныхъ, поносили архіепископа, грозили произвести поджогъ и захватить кассу и т. п. Какъ со стороны русскихъ православныхъ монаховъ, такъ и кинота, поданы были заявленія съ настойчивой просьбой удалить упорствующихъ съ Аѳона, но представители свѣтской власти рѣшили сначала водворить хотя внѣшній порядокъ на Аѳонѣ и съ этою цѣлью сюда была вызвана изъ Константинополя рота солдатъ. Рота прибыла на пароходѣ „Царь“ 11-го іюня, а 13-го не безъ попытки сопротивленія со стороны упорствующихъ была введена въ монастырь и стала охранять монастырскія учрежденія. При охранѣ солдатъ съ 14 по 17 іюня въ монастырѣ произведена была перепись православныхъ и имябожниковъ. Первыхъ оказалось 661, вторыхъ 517, а 360 къ переписи не явилось. Но и прибытіе роты мало измѣнило положеніе дѣла. Упорствующіе продолжали противиться и монастырскимъ и гражданскимъ властямъ и, кромѣ того, стали оскорблять солдатъ и даже бросать въ нихъ по ночамъ камнями. Убѣдившись, что оставить упорствующихъ на Аѳонѣ—это значитъ предоставить православныхъ иноковъ опасности избіенія и изгнанія имябожниками, а русскіе монастыри—опасности захвата греками, объявившими, что еретики не могутъ жить на Св. Горѣ, генеральный консулъ просилъ посла прислать пароходъ съ полуротой солдатъ и 3 іюля, по прибытіи парохода „Херсонъ“, произвелъ съ помощью войска посадку

на него имябожниковъ Пантелеимоновскаго монастыря. Значительная часть ихъ шла на пароходъ добровольно, но вожаки секты вмѣстѣ съ наиболѣе преданными послѣдователями рѣшительно отказались исполнять приказаніе власти и пошли на пароходъ только тогда, когда въ ходъ были пущены пожарныя трубы и солдаты стали насильно вытаскивать монаховъ изъ коридора, при чемъ было легко ранено 25 монаховъ. Изъ Андреевскаго же скита упорствующіе отправились 6—7 іюля на пароходѣ безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ. На пароходѣ было отправлено и имущество монаховъ. Изъ русскихъ келій на пароходъ никого отправлять не пришлось, такъ какъ 7 іюля на собраніи братства русскихъ келліотовъ Троицкому удалось убѣдить всѣхъ старцевъ подписать отреченіе отъ ереси вмѣстѣ съ обязательствомъ не допускать въ келіи имябожниковъ. Отреченіе это было потомъ представлено Святѣйшему Синоду. 9 іюля 621 взятыхъ изъ обѣихъ обителей имябожниковъ были отправлены въ Одессу. 11 іюля на обратномъ пути архіепископъ Никонъ имѣлъ бесѣду съ патріархомъ и по его предложенію представилъ ему затѣмъ два списка имябожниковъ: списокъ вождей секты и списокъ лицъ, вовлеченныхъ въ обманъ первыми. 13 іюля монахи прибыли въ Одессу и здѣсь, сообразно даннымъ Константинопольскимъ посольствомъ тит. совѣт. Щербинѣ инструкціямъ, а также указаніямъ командированнаго въ Одессу директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода д. с. с. Яцкевича и мѣстныхъ властей, распредѣлены на нѣсколько группъ. Лица, признанныя въ санѣ и монашествѣ русскою церковною властію, въ числѣ 8, были отправлены на подворье Андреевскаго скита, 40 человѣкъ, обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, были отправлены въ тюрьму, а остальные были направлены по проходнымъ свидѣтельствамъ въ мірскомъ одѣяніи для водворенія на родину по мѣстамъ приписки. Книги и церковныя вещи были отобраны и распредѣлены на три разряда: 1) принадлежащія самимъ монахамъ, 2) похищенныя монахами изъ обителей, 3) брошюры и листки еретическаго содержанія. Первыя предположено возвратить монахамъ, а вторыя и третьи задержать впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. 17 іюля на пароходѣ „Чихачевъ" въ Одессу прибыли еще 212 монаховъ, по большей части сторонниковъ лжеученія, которые, по провѣркѣ документовъ, были временно распредѣлены по аѳонскимъ подворьямъ. Изъ донесеній архіепископа Назарія и прошеній монаховъ усматривается, что привезенные и добровольно пріѣхавшіе

имябожники ведутъ пропаганду въ народѣ, но что нѣкоторые изъ нихъ раскаиваются въ своемъ заблужденіи и просятъ разрѣшенія или вернуться на Аѳонъ или поселиться въ какомъ-либо изъ находящихся въ Россіи монастырей. Положеніе нѣкоторыхъ монаховъ весьма тяжелое, такъ какъ сами они не могутъ по старости и слабости снискивать себѣ пропитаніе, а ни своихъ средствъ, ни могущихъ содержать ихъ родственниковъ не имѣютъ. Монахъ Дометій проситъ Святѣйшій Синодъ пересмотрѣть рѣшеніе относительно имябожниковъ, поручивъ разслѣдовать дѣло указываемымъ имъ епископамъ. Обсудивъ изложенное и признавая правильными и цѣлесообразными дѣйствія командированныхъ на Аѳонъ лицъ, а принудительное выселеніе имябожниковъ свѣтскою властію дѣломъ печальной, но неизбѣжной, необходимости и, съ одной стороны, заботясь объ огражденіи вѣрующихъ отъ соблазна, а съ другой, снисходя къ бѣдственному положенію прельщенныхъ вожаками многихъ простецовъ, Святѣйшій Синодъ, дабы „не оставить ни кротости слабою, ни строгости жестокою“, опредѣляетъ: 1) усвоить послѣдователямъ новаго лжеученія наименованіе имябожниковъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующее содержанію ихъ ученія, 2) отправить прилагаемое при семъ посланіе отъ имени Святѣйшаго Синода его всесвятѣйшеству Вселенскому патріарху Герману V съ просьбой произвести каноническій судъ надъ упорствующими, подчиненными его духовной власти, а раскаявшихся разрѣшить Россійскому Святѣйшему Синоду принимать въ церковное общеніе и сообщить рѣшеніе Константинопольскаго священнаго Синода относительно этого дѣла, 3) по полученіи отвѣта отъ патріарха имѣть сужденіе о дальнѣйшихъ мѣрахъ, касающихся упорствующихъ имябожниковъ, 4) поручить миссіонерамъ и священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ проживаютъ имябожники, принять мѣры къ предупрежденію распространенія ими своего лжеученія и увѣщевать ихъ, 5) если кто либо изъ имябожниковъ самъ пожелаетъ принести чистосердечное раскаяніе или хотя бы только усомнится въ своемъ заблужденіи, то предоставить таковому обратиться къ игумену ближайшаго монастыря или мѣстному священнику, который: а) тщательно испытаетъ его вѣрованіе о имени Божіемъ, б) раскроетъ ему православное ученіе о немъ и в) убѣдившись въ искренности его обращенія посредствомъ испытанія его совѣсти на исповѣди, не разрѣшая его, предложитъ ему подписать отреченіе отъ ереси, о чемъ и донесетъ письменно епископу, если возможно, черезъ самого кающагося, дабы епископъ

могъ и лично побесѣдовать съ нимъ, 6) предоставить епархіальному епископу: а) разрѣшить такового отъ грѣха ереси и прогивленія Церкви лично или чрезъ донесшаго и наложить, по своему усмотрѣнію епитимію, б) допустить его ко святому причащенію и разрѣшить поступать въ тотъ монастырь, куда примутъ, предписавъ настоятелю и духовнику сего монастыря подвергнуть его строгому надзору, 7) зачисленіе въ братію или признаніе его въ монашескомъ званіи отложить на предписанный закономъ срокъ, въ продолженіе коего онъ долженъ находиться въ числѣ испытуемыхъ, 8) препроводить къ епархіальнымъ преосвященнымъ алфавитные списки высланныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію имябожниковъ для разсылки этихъ списковъ настоятелямъ монастырей съ запрещеніемъ принимать въ монастырь упомянутыхъ въ спискахъ лицъ безъ особаго разрѣшенія епархіальной власти, 9) прошеніе монаха Дометія, какъ незаслуживающее удовлетворенія, оставить безъ послѣдствій, и 10) перепечатать во всѣхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ выдержки изъ настоящаго опредѣленія Святѣйшаго Синода и доклада архіепископа Никона.

Форма обѣщанія для возвращающихся къ ученію православной Церкви имябожниковъ.

Мы, нижеподписавшіеся, искренно сознавая, что впали въ еретическое мудрованіе, принявъ за истину ложное ученіе, будто имена Божіи, особенно же имя Іисусъ, есть Самъ Богъ, и глубоко раскаиваясь въ семъ заблужденіи, преискренне возвращаемся къ ученію православной Церкви, изложенному въ грамотахъ святѣйшихъ Вселенскихъ патріарховъ Іоакима III и Германа V и въ посланіи Святѣйшаго Синода Всероссійской Церкви, всѣмъ сердцемъ пріемлемъ и лобызаемъ оное ученіе, исповѣдуя, что святѣйшія имена Господа Іисуса Христа и всѣ имена Божіи должны почитать относительно а не боголѣпно, отнюдь не почитая ихъ Богомъ Самимъ, а только признавая божественными, въ полнотѣ своего смысла единому Богу приличествующими, ученіе же, содержащееся въ книгахъ „На горахъ Кавказа“ монаха Иларіона, „Апологія“ іеросхимонаха Антонія Булатовича и имъ подобныхъ, отметаемъ яко противное чисто-православному ученію Святой Церкви о именахъ Божіихъ, яко ведущее къ суевѣрію, къ злочестивому пантеизму или всебожію, самыя же

книги вышепоименованныя отвергаемъ и вѣрить онымъ отрицаемся.

Во свидѣтельство же искренности сего нашего предъ Богомъ покаяннаго исповѣданія благоговѣйно цѣлуемъ Крестъ и Евангеліе нашего Спасителя Іисуса Христа. Аминь.

Движенія и перемѣны по службѣ.

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Назначается:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 20 сентября 1913 г. за № 3383, окончившій два класса Витебской духовной семинаріи Владиміръ **Ширяевъ**, согласно прошенію,—на вакансію псаломщика къ Стайкинской церкви, Витебскаго уѣзда.

Исключается изъ списковъ.

— Священникъ Лепельскаго собора Іоаннъ **Смирновъ**—за смертію.

Вакантныя священническія мѣста:

— При Двонской церкви, Лепельскаго уѣзда.

— При Придруйской церкви, Дриссенскаго уѣзда, съ 29 юля 1913 года.

— При Лепельскомъ соборѣ.

Редакторъ оффиціальнаго отдѣла,

Секретарь Консисторіи Л. Яновскій.

1913 года. № 39. 29-го сентября.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Великій юбилей.

(1600-лѣтіе Миланскаго эдикта).

„Отнынѣ каждый рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія. Мы заблагоразсудили объявить о нашей волѣ, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе“...

(Окончаніе).

III.

Историческія справки и изслѣдованія подготовили насъ къ лучшему пониманію Миланскаго эдикта. Итакъ, какія же права даетъ эдиктъ христіанамъ? Если мы о ратимся къ церковно-исторической наукѣ и попытаемся разобраться во мнѣніяхъ ученыхъ относительно правъ, предоставленныхъ этимъ эдиктомъ христіанству, то мы увидимъ значительное разнообразіе и противорѣчіе отвѣтовъ. Въ общемъ, однако, ясно выраженные отвѣты ученыхъ легко подѣлить на три группы. Одни ученые полагаютъ, что этимъ эдиктомъ христіанство объявлено господствующей религіей, другіе не видятъ

въ немъ ничего новаго **по существу** съ прежними двумя эдиктами— 311 и 312 года, изданными при участіи же Константина. Но возможно и третья точка зрѣнія, которой и мы придерживаемся: хотя христіанство и не объявлено этимъ эдиктомъ господствующей религіей въ имперіи, но оно по сравненію съ предшествующимъ временемъ получило новыя и весьма важныя права и привиллегіи. Обоснованія послѣдней точки зрѣнія на эдиктъ выработаются сами собою при критической оцѣнкѣ первыхъ двухъ мнѣній, къ чему мы и направляемся.

Выразителемъ перваго мнѣнія о существѣ Миланскаго эдикт въ русской церковно-исторической литературѣ является извѣстный ученый проф. А. П. Лебедевъ. Свое толкованіе эдикта проф. Лебедевъ основываетъ на анализѣ самаго эдикта и на нѣкоторыхъ факатахъ ближайшей къ 313 году дѣятельности Константина. Всматриваясь въ эдиктъ, проф. Лебедевъ отмѣчаетъ, что эдиктъ 1) все время говоритъ только о христіанствѣ, о другихъ вѣроисповѣданіяхъ упоминаетъ только вскользь мимоходомъ; 2) христіанъ всегда ставитъ на первый планъ; 3) къ христіанству относится съ особымъ уваженіемъ, тогда какъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ относится съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, употребляя пренебрежительное слово по отношенію къ нимъ—«иныя» (aliis); 4) по отношенію къ христіанамъ отнимаетъ нѣкоторыя, установленныя прежде, ограниченія и 5) предписываетъ властямъ оказывать христіанамъ всяческое содѣйствіе при возвращеніи ихъ молитвенныхъ зданій и имуществъ. Всѣ эти детали говорятъ, по мнѣнію профессора, о предоставленіи христіанству правъ государственной религіи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Константинъ не думалъ возвысить христіанства надъ язычествомъ, то зачѣмъ ему почтительно говорить о христіанствѣ, зачѣмъ далѣе предписывать властямъ оказывать всяческое содѣйствіе? Развѣ все это не свидѣтельствуетъ о намѣреніи Константина сдѣлать христіанство господствующей религіей? Такова аргументація. Всмотримся ближе въ нее.

Прежде всего, ниоткуда не видно, что Константинъ съ пренебреженіемъ относится къ язычеству. Нельзя же выводить это пренебреженіе изъ неопредѣленной фразы: „если же мы это разрѣшили имъ (христіанамъ) то вмѣстѣ съ тѣмъ дается право и **другимъ** (aliis) соблюдать свои обычаи и вѣру“? Еще большой вопросъ, кого надо имѣть въ виду подъ словомъ aliis—поклонниковъ ли государственной религіи или послѣдователей **многихъ** другихъ культовъ,

точно такъ же какъ и христіанство, находившихся подъ ярлыкомъ religio illicita (недозволенная религія). Мы уже въ своемъ мѣстѣ упоминали, что римское государство далеко не всѣ культы разрѣшало. Вполнѣ естественна мысль законодателя, нашедшаго возможнымъ дать свободу христіанамъ, **вслѣдствіе этого** распространить эту милость и на всѣ другіе культы. О язычествѣ, въ его государственной формѣ, въ эдиктѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи. Для всѣхъ ясно было, что оно—безспорно должно существовать, пока существуетъ само государство, его флотъ, армія и судъ. Припомнимъ снова, религіозный культъ есть общественная повинность, отъ соблюденія которой зависитъ цѣлость государства. Могъ ли въ этотъ моментъ исторической жизни эдиктъ идти противъ общепризнаннаго міросозерцанія? Для такого переворота нужна подготовка и низовъ. А развѣ то было уже сдѣлано? Допустимъ, что Константинъ своимъ геніемъ провидѣлъ, какое значеніе для жизни имперіи можетъ имѣть христіанство, но какъ тонкій политикъ, могъ ли онъ въ этотъ именно моментъ объявить христіанство господствующей религіей, а язычество „презирать". Такимъ образомъ, мнѣніе проф. Лебедева о томъ, что эдиктъ 313 года пренебрежительно отзывается о язычествѣ, не будучи твердо обосновано на эдиктѣ, оказывается несоотвѣтствующимъ и историческимъ обстоятельствамъ.

Если, такимъ образомъ, въ эдиктѣ нѣтъ рѣчи о государственной формѣ языческой религіи, то понятно, почему въ эдиктѣ подчеркивается нѣкоторое уваженіе къ христіанству. Конечно, оно должно быть выдѣлено изъ всѣхъ другихъ культовъ: вѣдь Константинъ самъ чтитель христіанскаго Бога, такъ чудесно ему помогшаго въ борьбѣ съ узурпаторомъ. Христіане пріобрѣли право говорить о себѣ прежде всего—еще и потому, что стойкость и непреклонность ихъ, о которую разбилось твердое рѣшеніе желѣзной римской власти, заставило общественное мнѣніе стать на ихъ сторону и вызвать уваженіе. Наконецъ, христіанство вѣдь съ 311 года уже религія дозволенная, хотя съ ограниченіями. Такимъ образомъ, для объявленія уваженія къ христіанамъ, выраженнаго въ эдиктѣ, нѣтъ **необходимости допускать обязательно** признаніе его господствующимъ.

Въ силу тѣхъ же соображеній эдиктъ больше всего говоритъ о христіанахъ, постоянно ставитъ ихъ на первый планъ. Кромѣ того, безспорнымъ должно, конечно, остаться положеніе, что эдиктъ изданъ, главнымъ образомъ, для христіанъ. Странно бы было, если бы онъ не удѣлялъ имъ преимущественнаго вниманія.

Наконецъ, и предписаніе императора оказывать всяческое содѣйствіе христіанамъ нисколько не говорить за провозглашеніе христіанства господствующимъ. Нужно знать точную, юридически-воспитанную римскую власть, чтобы правильно объяснить это требованіе императора. Законодатель даетъ полныя права религіи и естественно возвращаетъ обществу ея послѣдователей отнятое у него правительствомъ—хотя то, что еще можно. Это такъ естественно, и для объясненія его нѣтъ необходимости прибѣгать къ необычайному способу.

Такимъ образомъ, отмѣченное проф. Лебедевымъ въ Миланскомъ эдиктѣ, какъ логически-достаточные аргументы для обоснованія положенія о провозглашеніи христіанства господствующей религіей, не имѣетъ логической принудительности и можетъ быть объяснено иначе. Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, какъ правильнѣе толковать—въ смыслѣ ли, предложенномъ проф. Лебедевымъ, или такъ, какъ мы истолковали. Теперь намъ подробно на этомъ спорѣ не приходится останавливаться. Ясно для всякаго, что если принять толкованіе проф. Лебедева, то мы должны признать, что Константинъ обратился въ христіанство послѣ побѣды надъ Максенціемъ. Но въ такомъ случаѣ предъ нами встаютъ непреодолимыя трудности, уже отмѣченныя нами. Кромѣ того, не забудемъ и того обстоятельтва, что эдиктъ изданъ и Ликиніемъ. Что же и Ликиній, застарѣлый язычникъ, призналъ христіанство господствующей религіей? Нельзя безнаказанно ссылаться на популярность Константина и на военную слабость Ликинія, вынудившія будто бы его согласиться съ Константиномъ. Ликиній въ военномъ отношеніи не былъ слабѣе Константина. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, обладалъ и большимъ, чѣмъ Константинъ, войскомъ, что обнаружилось и позднѣе (въ 323 году). Константинъ же въ это время былъ обезсиленъ борьбою съ Максенціемъ и въ особенности съ германскими варварами, тревожившимя имперію. Соотношеніе военныхъ силъ было скорѣе не въ пользу Константина.

Итакъ, эдиктъ не даетъ прочныхъ основаній утверждать, что Константинъ и Ликиній объявили христіанство господствующей религіей?

Не болѣе убѣдительны и тѣ факты изъ дѣятельности Константина, на которые ссылается проф. Лебедевъ въ обоснованіе основного своего положенія. Эти факты свидѣтельствуютъ или о томъ, что Константинъ многими привиллегіями снабдилъ христіанскую

церковъ и въ особенности духовенство,—или вообще говорятъ о расположеніи Константина къ христіанству и дѣятельности въ его пользу. Факты, конечно, безспорны. Но объясненіе ихъ допускаетъ неодинаковыя точки зрѣнія. Что касается привиллегій, предоставленныхъ христіанству, то онѣ вполнѣ могутъ быть объя снены изъ принципа равноправія вѣроисповѣданій. Вполнѣ естественно, что христіанство получивъ полныя права, eo ipso пріобрѣло и всѣ преимущества, принадлежавшія до сихъ поръ дозволеннымъ религіямъ. Чего либо—большаго по сравненію съ ними христіанство вѣдь не получило. Значитъ, изъ факта дарованія привиллегій мы не можемъ дѣлать обязательнаго вывода къ признанію законодателемъ христіанства господствующей религіей.

Наконецъ, факты,—безспорные факты благорасположенія Константина къ христіанству точно также не ведутъ обязательно къ утвержденію основной мысли проф. Лебедева. Объясненіе факта расположенія нами уже дано, и оно болѣе согласуется съ фактами, нежели предложенное профессоромъ. Но самое главное не всѣ факты, приводимые профессоромъ, обязательно говорятъ о расположеніи къ христіанству. Эти факты нами отмѣчены (напр. законъ о dies solis, названія Божества‘ монограмма Христа и пр.) и истолкованы иначе. Если такимъ образомъ, факты допускаютъ различныя толкованія, то они теряютъ уже непререкаемую доказательность.

Итакъ, ни анализъ эдикта, ни факты, приведенные проф. Лебедевымъ, не принуждаютъ насъ согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что Миланскимъ эдиктомъ христіанство признано господствующимъ Оцѣниваемое нами мнѣніе кажется несостоятельнымъ помимо недостаточности аргументовъ еще и по слѣдующему соображенію. Если бы воля императоровъ дѣйствительно была такова, каковою ее представляетъ это мнѣніе, то почему бы прямо ее не выразить? Вѣдь это событіе громадной важности, это глубочайшее переустройство основныхъ началъ римскаго государства и міросозерцанія. Въ такихъ случаяхъ требуется полная точность и опредѣленность со стороны законодателя. Мы полагаемъ, что если бы Миланскій эдиктъ дѣйствительно провозглашалъ господствующей религіей христіанство, то онъ опредѣленно бы это и высказалъ: если же онъ этого не сдѣлалъ, то значитъ онъ и не провозгласилъ этого.

Второе мнѣніе, полагающее что Миланскій эдиктъ никакихъ новыхъ правъ не далъ христіанству по сравненію съ прежними правами, должно признать простымъ недоразумѣніемъ. Лучшее опро-

верженіе этого мнѣнія дано въ самомъ эдиктѣ: «мы признали за нужное, по устраненіи тѣхъ условій, о которыхъ упоминалось въ прежнемъ указѣ, касательно христіанъ отмѣнить все, что представляется жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію». Ясно такимъ образомъ, что положеніе христіанъ улучшалось. Поэтому мы эту точку зрѣнія на Миланскій эдиктъ минуемъ.

Какое же положительное содержаніе правъ предоставленныхъ христіанству знаменитымъ эдиктомъ? Или какія новыя права пріобрѣтены христіанствомъ?

Исходнымъ пунктомъ въ опредѣленіи правъ, пріобрѣтенныхъ христіанствомъ, могутъ служить слова эдикта: «мы признали за нужное **по устраненіи тѣхъ условій, о которыхъ упоминалось въ прежнемъ указѣ**, касательно христіанъ **отмѣнить все, что представляетс жестокимъ и несообразнымъ съ нашею кротостію**». Упоминаемый здѣсь «прежній» указъ есть указъ 312 года, содержаніе котораго нами было представлено. Въ этомъ указѣ, во-первыхъ, проводилось явное предпочтеніе язычества надъ христіанствомъ; послѣднее разсматривалось, какъ грубое суевѣріе и потому выражалось желаніе императора видѣть христіанъ возвращенными къ вѣрѣ отцовъ. Во-вторыхъ, разрѣшеніе исповѣдывать христіанскую вѣру обосновывалось на его древности и принадлежности «христіанскому народу», на принципѣ, довольно шаткомъ, такъ какъ и то и другое обстоятельство исторически невѣрны или по крайней мѣрѣ не точны. Теперь эти ограниченія по отношенію къ христіанамъ отмѣняются.

Итакъ, теперь законодательная власть отказывается смотрѣть на христіанство, какъ на грубое суевѣріе, а потому не находитъ нужнымъ не только принудительными мѣрами, но и мѣрами кротости и увѣщанія (см. указъ 312 года) приводить къ язычеству. Теперь ей не нужно прибѣгать къ компромиссамъ. Правительство смѣло объявляетъ христіанство равноправною религіею—и принимаетъ на себя всѣ послѣдствія этого новаго взгляда на христіанъ. Если христіанство стало вполнѣ равноправной религіей, то ее могли исповѣдывать и римскіе граждане и всѣ высшія административныя лица.

По указу же Галерія и Константина 312 года, христіанство было лишь терпимою религіею (licita) и потому его могли свободно исповѣдывать лица, не состоящія на государственной службѣ. Лицо, занимающее государственный постъ должно исповѣдывать національную религію. Вслѣдствіе того, что христіанство religio licita,—государственный дѣятель лично за исповѣданіе не отвѣчаетъ, но госу-

дарственную службу нести не можетъ, если не хочетъ принимать участіе въ «caeramoniae romanae». Миланскимъ эдиктомъ и это ограниченіе снимается. Всякій можетъ исповѣдывать какую угодно ему религію и за это онъ не несетъ никакихъ послѣдствій, не лишается никакихъ правъ. Такъ нужно понимать слова эдикта: «отнынѣ каждый рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія .

Если христіанство теперь становится равноправнымъ съ язычествомъ, то тѣмъ самымъ въ силу эдикта на него распространяются и всѣ тѣ преимущества и привиллегіи, которыми государство надѣлило другіе культы и въ особенности духовенство. Это безспорно уже новое по сравненію съ прежнимъ временемъ. Правда, нѣкоторые императоры довольно благосклонно и раньше относились къ христіанскимъ епископамъ и иногда снабжали ихъ тѣми или другими привиллегіями, но это была милость императора, вызванная личными особенностями и императора и того лица, на котораго эта милость распространялась. Теперь же это становится правомъ. И Константинъ Великій въ томъ же 313 году издаетъ законъ освобождающій клириковъ отъ несенія нѣкоторыхъ повинностей, которые, по взгляду того времени, не считались почетными. Въ томъ же направленіи онъ дѣйствуетъ и въ ближайшіе годы, пока христіанская церковь не только de jure, но и de facto воспользовалась всѣмъ тѣмъ, что принадлежало представителямъ языческой религіи въ ея государственной формѣ.

Равноправіе вѣроисповѣданія предполагаетъ равенство всѣхъ во всѣхъ частяхъ религіозной сферы. Отсюда эдиктъ считаетъ справедливымъ возвратить христіанамъ мѣста ихъ богослуженій, отнятыя во время послѣдняго гоненія и отданныя теперь въ частныя руки. Ничего подобнаго въ прежнія времена, конечно, не могло имѣть мѣста. Значитъ, теперь христіане имѣютъ право не только строить новые храмы, но и возстанавливать старые. Этимъ отчасти признается право пропаганды за христіанствомъ. Извѣстно, богослуженіе часто выступаетъ въ качествѣ сильнаго миссіонерскаго пріема. Вотъ почему римское законодательство вообще неблагосклонно относилось ко всякому публичному оказательству того или другого культа. Иноземные культы, какъ извѣстно, при опредѣленныхъ условіяхъ допускались Римомъ, но при непремѣнномъ требованіи, такъ сказать, келейнаго исповѣданія. По отношенію къ христіанству теперь и то ограниченіе снимается.

Наконецъ,—христіанская община пріобрѣтаетъ права юридическаго лица. Однажды, христіане, по указу Галліена, уже пріобрѣли было эти права. Они этимъ императоромъ были приравнены со стороны правъ къ погребальнымъ коллегіямъ. Но вѣдь это былъ благовидный обходъ закона, и. конечно, какъ только выяснилось, что христіанство имѣетъ слишкомъ мало общаго съ погребальными коллегіями, у нихъ эти права были отняты или, лучше сказать, христіанъ не стали отожествлять съ представителями подобныхъ организацій и потому лишили покровительства данныхъ законовъ. Теперь же христіанская церковь дозволенная религіозная организація—и потому она можетъ пользоваться всею полнотою римскихъ законовъ по отношенію къ религіознымъ общинамъ. Потому-то эдиктъ предписываетъ властямъ оказывать содѣйствіе христіанамъ въ возвращеніи имъ потерянныхъ ими во время гоненія общественныхъ имуществъ.

Таковы дѣйствительно новыя права, пріобрѣтенныя христіанами по Миланскому эдикту. Послѣ этого обзора мы уже не имѣемъ права сказать, что христіане по существу не пріобрѣли никакихъ новыхъ правъ по сравненію съ достигнутымъ ими по эдиктамъ 311 и 312 г.г. Это новое удобно объединяется однимъ словомъ—**равноправіе**. Христіанство въ **отношеніи исповѣданія** получило тѣ же самыя права, какими до сихъ поръ пользовалось язычество. Но это не значитъ, что оно стало государственной, господствующей религіей въ томъ смыслѣ, какъ эти слова теперь у насъ понимаются. Государство пока только отказалось **явно** поддерживать язычество, но оно и не приняло на себя заботъ о поднятіи христіанства до того положенія, въ которомъ прежде находилось язычество. Тому и другому вѣроисповѣданію **теоретически** оно предоставило свободу развитія. Оно, поставивъ эти двѣ стороны въ равныя условія, предоставило исторіи рѣшить вопросъ, какому изъ этихъ двухъ началъ стать у власти.

Еще одною стороною Миланскій эдиктъ можетъ приковывать вниманіе историка. Эдиктъ все время говоритъ о христіанскомъ богослуженіи и только два раза упоминаетъ о вѣрѣ. (...Каждому отдается на произволъ обращаться сердцемъ къ той вѣрѣ, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ). Получается такое впечатлѣніе, что какъ будто христіанство получаетъ не полныя религіозныя права, какъ будто эдиктъ предоставляетъ ему только свободу совершенія богослуженія. Но это впечатлѣніе совершенно ошибочное. Для правильнаго пониманія мысли законодателя, нужно перенестись къ тому времени и точно представлять взгляды прави-

тельства на существо религіи. Римское государство не считало нужнымъ вмѣшиваться въ область личныхъ убѣжденій и настроеній. Здѣсь каждый могъ быть свободнымъ. Государство слѣдило лишь за формою обнаруженія настроенія,—только послѣдняя подлежала его контролю. Мы уже не разъ замѣчали, что христіанамъ не запрещали исповѣдывать христіанскую вѣру, отъ нихъ только требовали при публичныхъ религіозныхъ процессіяхъ служить не своему Богу, а національнымъ богамъ. Религія въ правительственномъ пониманіи совершенно сливалась съ культомъ. И потому-то законодатель, рѣшивъ дать христіанской религіи свободу, говоритъ только о богослуженіи,—остальное все въ этомъ словѣ заключалось.

IV.

Послѣ опредѣленія правъ, полученныхъ христіанствомъ по Миланскому эдикту, можно уже съ большею основательностію говорить о значеніи въ исторіи христіанства оцѣниваемаго эдикта.

Этотъ эдиктъ открываетъ новую эпоху въ жизни церкви. Теперь христіанская церковь, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемая, пріобрѣла возможность полностію раскрыть и осуществить присущія ей силы. До этого момента она или принуждена была, выражаясь современнымъ языкомъ, вести подпольную пропаганду или (послѣ 311 г.) безнаказанно пріобрѣтать послѣдователей только изъ низшихъ классовъ. Высшіе классы еще рисковали вслѣдствіе принятія христіанства потерять государственную службу. Съ изданіемъ эдикта христіанство пріобрѣло возможность вбирать въ себя всѣ слои общества. А это имѣло весьма важное значеніе. Если исповѣданіе любой вѣры не стало антигосударственнымъ дѣломъ, то и императоръ, какъ представитель государственности, могъ свободно стать христіаниномъ, и это уже не было правонарушеніемъ. Первый этимъ правомъ воспользовался самъ Константинъ. Съ 323 года онъ открыто исповѣдуетъ христіанскую вѣру и постепенно совершенно отрѣшается отъ язычества. Послѣ этого момента онъ и въ государственной дѣятельности—не только въ личной жизни—обнаруживаетъ явное тяготѣніе къ христіанству. И эта дѣятельность Константина подготовила почву для провозглашенія христіанства господствующей религіей. Въ этой постепенности безспорно сказалась политическая мудрость и тонкость императора.

Ясно, что прежде, чѣмъ провозгласить христіанство основою государственной жизни, необходимо ознакомить съ этой новой основой народъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и даже болѣе—пріобрѣсти какъ можно больше убѣжденныхъ защитниковъ и поборниковъ этой идеи. Если бы христіанство сдѣлано было господствующей религіей безъ этой предварительной подготовки, то его торжество едва-ли бы было прочно, такъ какъ оно не имѣло крѣпкихъ корней въ государственномъ организмѣ. Какъ часто гибнутъ великія идеи, не привившись въ извѣстный моментъ только потому, что народъ не возвысился до—воспріятія ихъ. Миланскій эдиктъ какъ разъ и выступилъ въ роли этого воспитателя. Какимъ образомъ?

Христіанство открыто обнаруживало себя теперь, и, слѣдовательно, язычники могли съ нимъ ознакомиться въ его подлинномъ видѣ. Среди не только языческой массы, но даже и интеллигенціи о христіанствѣ было въ общемъ довольно превратное представленіе. Имя христіанинъ въ особенности въ устахъ народной массы часто было однозначущимъ со словами—безбожникъ, преступникъ, человѣкъ распущенный въ нравственномъ отношеніи, способный на всякое преступленіе вплодь до ядѣнія человѣческаго мяса и крови;—христіанство—грубѣйшее суевѣріе—это самый еще лестный взглядъ на него. Въ сущности о христіанствѣ знали изъ вторыхъ и третьихъ рукъ—и весьма часто на основаніи показаній лицъ, враждебно относившихся къ христіанству. Правда, ко времени Константина христіанъ знали уже лучше, но только въ большихъ центрахъ или тамъ, гдѣ много было христіанъ и не народная масса, слѣпо слѣдовавшая язычеству. Но это знаніе все-таки было поверхностное. Были знакомы обществу христіане со своею жизнію, а не самое ихъ ученіе. Имъ теперь въ большинствѣ случаевъ не приписывали безнравственныхъ поступковъ, какъ было это прежде, но часто не считали нужнымъ входить и проникать глубоко въ одушевлявшіе ихъ идеи,—по принципу: «изъ Іудеи можетъ-ли быть что-либо доброе»? И вотъ теперь христіане не имѣютъ необходимости скрывать лицо свое. Наоборотъ, они теперь безбоязнено обнаруживаютъ сущность христіанства. Для той исторической эпохи это было дѣломъ громадной важности. Люди—мыслящіе изжили тогда все накопленное духовное богатство. Ни наука, ни философія, ни религія въ ихъ прежнемъ видѣ не могли уже удовлетворить пытливаго ума и изстрадавшаго сердца. Между тѣмъ въ силу особыхъ историческихъ

условій жажда всего этого была непомѣрная. Къ религіи теперь предъявили новыя требованія. Религія—въ смыслѣ только культа—лучшихъ людей уже не удовлетворяла. Съ точки зрѣнія тогдашняго религіознаго сознанія—въ религіи цѣнились не обряды, не жертва, а религіозная настроенность, проявляющаяся въ стремленіи къ нравственному усовершенствованію,—въ нравственныхъ подвигахъ, испытаніяхъ и лишеніяхъ.

Человѣкъ почувствовалъ отчужденность отъ Божества и стремился слиться съ Нимъ, сознавалъ, что собственными силами онъ не можетъ этого сдѣлать вслѣдствіе непомѣрной своей грѣховности. Онъ искалъ Искупителя и Посредника между собою и Божествомъ. Мыслящій человѣкъ того времени потому-то съ жадностію накидывался на всякій новый культъ, въ которомъ онъ находилъ или отголосокъ своихъ переживаній или возможность удовлетворить свою мятущуюся душу.

Послѣ этого не трудно представить, какое впечатлѣніе должно произвести христіанское ученіе на опустошенную душу грека и римлянина. Вѣдь онъ въ **немъ именно** и могъ найти безконечное удовлетвореніе всѣмъ своимъ запросамъ. Вотъ почему для христіанства очень важно было имѣть право открыто и свободно заявлять о своемъ ученіи. Вотъ почему должно признать громаднѣйшее значеніе за Миланскимъ эдиктомъ по отношенію къ окончательному торжеству христіанства. Миланскій эдиктъ въ конечномъ итогѣ привлекъ въ христіанство лучшія силы язычества. А вѣдь за геніемъ часто идетъ толпа. Такъ это и было въ исторіи христіанства.

Сводя къ единству сказанное нами о значеніи Миланскаго эдикта для христіанской церкви, мы наши мысли по данному вопросу—можемъ выразить въ четырехъ основныхъ пунктахъ:

1) Миланскій эдиктъ сдѣлалъ христіанство **абсолютно** равноправнымъ съ язычествомъ;

2) чрезъ это далъ возможность языческому обществу лучше ознакомиться съ христіанствомъ;

3) ознакомивши же общество съ христіанствомъ, онъ неминуемо привелъ его къ христіанству;

4) и какъ слѣдствіе всего этого подготовилъ почву для объявленія христіанства господствующей религіей.

Если таково значенiе Миланскаго эдикта, то **исторически** совершенно правъ Св. Синодъ, разсматривающiй изданiе Миланскаго эдикта, какъ торжество христiанства надъ язычествомъ. Правда, это еще только начальный моментъ торжества, но, какъ мы показали, онъ логически-необходимо велъ къ окончательному торжеству.

Н. Мѣхаевъ.

Обращенiе старообрядца.

... „*Во единый же надесять часъ изшедъ обрѣте другiя, стоящя праздны и глагола имъ:..*

... *Идите и вы въ виноградъ Мой*“ (*Матѳ. XX. 6—7*).

Недавно двинскiй старообрядческiй мiръ былъ **нѣсколько** взволнованъ необычайнымъ событiемъ, обнаружившимъ скрытую въ сердцахъ нѣкоторыхъ религiозно-настроенныхъ старообрядцевъ тоску по матери-церкви, со священноначалiемъ и таинствами, и стремленiе ихъ, хотя при кончинѣ живота своего, войти подъ ея спасительный кровъ.

Часто такое пламенное стремленiе этихъ несчастныхъ къ соединенiю со св. Церковью встрѣчаетъ непреодолимое препятствiе въ лицѣ окружающихъ ихъ родныхъ, а также—безпоповскихъ наставниковъ, зорко блюдущихъ, чтобы «сумлѣнiе» въ правотѣ безпоповства не обнаруживалось въ средѣ ихъ пасомыхъ до самой смерти Но, тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, когда святое чувство вѣры, жажда соединенiя со Христомъ въ таинствѣ евхаристiи берутъ верхъ надъ разными житейскими соображенiями и отдѣльныя люди изъ числа без-

поповцевъ присоединяются къ церкви Христовой. Ихъ присоединенія каждый разъ вызываютъ нѣкоторое волненіе въ средѣ безпоповцевъ, побуждая послѣднихъ невольно оглянуться на самихъ себя, вникнуть въ свое печальное положеніе и пожалѣть о своемъ отчужденіи отъ благодати Божіей.

Такое рѣдкое событіе совершилось на-дняхъ въ предѣлахъ града Двинска.

Верстахъ въ восьми отъ города, на другомъ берегу р. Западной Двины, въ Курляндской губ., жилъ уважаемый окрестными безпоповцами старикъ-старообрядецъ Е. А. Леоновъ. Онъ одинъ изъ семьи Леоновыхъ оставался еще въ безпоповствѣ, несмотря на то, что его родной отецъ и затѣмъ младшій братъ со всѣмъ семействомъ присоединились къ церкви нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Эта твердость въ «древлеправославіи» ставилась старообрядцами въ заслугу Е. Леонову, и всѣ считали его столпомъ мѣстнаго безпоповства

Но въ душѣ Е. А—ча, не замѣтно для другихъ, совершался тотъ внутренній переворотъ, который въ концѣ-концовъ привелъ его къ твердому рѣшенію навсегда прервать съ безпоповщиной. Слѣдующее обстоятельство, надо полагать, ускорило это рѣшеніе. Одинъ изъ сыновей Леонова—И. Е., дотолѣ служившій на желѣзной дорогѣ машинистомъ, получавшій хорошее жалованье, вдругъ бросилъ свое занятіе и удалился въ Валаамскую обитель, гдѣ послѣ долгаго семилѣтняго искуса принялъ постриженіе въ монашество подъ именемъ Іереміи.

Несомнѣнно,—сынъ-инокъ уговаривалъ отца оставить погибельный путь безпоповства и войти подъ благодатный кровъ церкви Христовой. Старикъ даже посѣщалъ сына на Валаамѣ, гдѣ ему особенно понравились монастырскій укладъ жизни насельниковъ обители и истовость церковнаго богослуженія. По возвращеніи оттуда Леоновъ сталъ уже открыто высказывать, что рано или поздно, но и онъ будетъ сыномъ Церкви, что онъ не хочетъ оставаться безъ причащенія св. таинъ и боится умиреть, не исповѣдовавшись передъ законнымъ священникомъ и не получивъ отпущенія всѣхъ своихъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія.

Будучи человѣкомъ начитаннымъ, Леоновъ зналъ, что, такъ называемая, безпоповщинская исповѣдь передъ наставниками не

имѣетъ силы таинства и не подаетъ кающимся отпущенія грѣховъ ибо наставники не уполномочены отъ Бога на строеніе таинъ Божіихъ, каковыя могутъ совершать только лица хиротонисанныя, т. е. получившія рукоположеніе отъ епископовъ. Объ этомъ старикъ Леоновъ нерѣдко говорилъ въ средѣ своихъ семейныхъ и, такимъ образомъ, подготовилъ ихъ къ своему переходу въ православіе.

За три дня передъ своей кончиной, 11 августа с. г., почувствовавъ себя плохо, старикъ пригласилъ къ себѣ своихъ родныхъ и объявилъ имъ, что въ виду приближенія его смерти онъ желаетъ сегодня же привести въ исполненіе свое давнишнее намѣреніе относительно присоединенія къ Церкви. Попростившись съ родными, старикъ отправился въ Двинскъ, заѣхалъ къ единовѣрческому священнику о. Г. Челпанову и объявилъ ему о своемъ желаніи. О. Гавріилъ съ радостію исполнилъ желаніе старика-Леонова, тѣмъ болѣе, что давно зналъ о его намѣреніи и ожидалъ, когда Богъ приведетъ къ Себѣ этого человѣка.

Съ искреннею вѣрою, со слезами на глазахъ пріобщился старикъ св. Христовыхъ таинъ и облегченно вздохнувъ, сказалъ:

— Господи! теперь я Твой рабъ: прими меня къ Себѣ!..

На третій день послѣ сего Леоновъ скончался. Передъ смертью онъ также собралъ свою семью, попростился съ каждымъ въ отдѣльности и мирно почилъ о Господѣ. Умеръ Е. А. Леоновъ 14 августа с. г., 70 лѣтъ отъ роду.

На погребеніе усопшаго собралось много старообрядцевъ со всей окрестности. Послѣднихъ крайне удивило присутствіе на погребеніи Леонова единовѣрческаго священника.

Передъ началомъ отпѣванія священникомъ о. Г. Челпановымъ было сказано собравшимся старообрядцамъ теплое слово, въ которомъ проповѣдникъ, отмѣтивъ значеніе даннаго событія для старообрядцевъ этой мѣстности, приглашалъ ихъ послѣдовать доброму примѣру усопшаго и соединиться со св. Христовою Церковью, ради которой Сынъ Божій пролилъ на крестѣ Свою честную кровь, заповѣдалъ и намъ всѣмъ въ воспоминаніе этой великой жертвы ясти тѣло Его и пити кровь Его въ таинствѣ евхаристіи, глаголя:

— **«Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ»** (Іоанн. зач. 23).

Старообрядцы—мѣстные пѣвцы, знающіе крюковое пѣніе, которыхъ собралось на погребеніе не малое количество, по приглашенію священника сначала робко, а потомъ смѣлѣе приняли участіе въ отпѣваніи, усугубивъ тѣмъ торжественность погребальнаго чина.

Послѣ отпѣванія о. Челпановымъ было сказано еще нѣсколько словъ о чинѣ погребенія, который совершился истово, по руководству старопечатнаго потребника, безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній,—что этотъ чинъ въ безпоповщинѣ искаженъ наставниками, которые многое изъ него повыбросили по своему мудрованію и что православные старообрядцы (единовѣрцы), въ данномъ случаѣ, являются лучшими хранителями святоотеческихъ преданій въ сравненіи съ безпоповцами.

Всю дорогу, затѣмъ, до кладбища пѣвчіе провожали покойника, громогласно по крюкамъ распѣвая «Святый Боже»... Погребли Леонова на единовѣрческомъ кладбищѣ г. Двинска, гдѣ похороненъ и его отецъ.

Присоединеніе Леонова и отпѣваніе его по старому чину единовѣрческимъ священникомъ оказало замѣтное вліяніе на окружающую безпоповщину. Закоренѣлые безпоповцы съ холоднымъ равнодушіемъ, большинство съ любопытствомъ отнеслись къ этому событію, но были среди мѣстныхъ старообрядцевъ и такіе, которыхъ глубоко тронуло за сердце и обращеніе Леонова и его погребеніе по древнему чину.

Нѣкоторые изъ нихъ высказывали даже свое желаніе пойти по стопамъ усопшаго и по примѣру его соединиться съ Церковью на основѣ единовѣрія, обрядъ котораго, по словамъ приснопамятнаго архим. Павла Прусскаго «для старообрядцевъ нуженъ: онъ много покоитъ ихъ обыкновеніе и черезъ то единитъ съ Церковью» (т. I, стр. 568).

Такъ неисповѣдимыми путями приводитъ Господь въ ограду св. Церкви Своей тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые не заглушили еще въ себѣ голоса совѣсти, которые искренно скорбятъ о своемъ спасеніи и пламенно желаютъ единенія со Христомъ. И хотя въ единодесятый часъ спасительнаго дня, Онъ удостоиваетъ ихъ приглашенія работать въ Его виноградникѣ (Матѳ. XX, 6), и дѣлаетъ ихъ достой-

ными полученія одинаковой платы съ тѣми, кто работалъ въ продолженіи цѣлаго дня.

— «Праведенъ Ты, Господи, и справедливы суды Твои» (Псал. 118, ст. 137).

Свящ. **Г. Д.**

За редактора неоффиціальнаго отдѣла,
Секретарь Консисторіи **Л. Яновскій.**

Печатать разрѣшается, 29 сентября 1913 года.
Цензоръ, преподаватель семинаріи протоіерей **В. Добровольскій.**

Печатано въ Витебской Губернской Типографіи.